

Похищенная, или Красавица для Чудовища

Автор:

Валерия Чернованова

Похищенная, или Красавица для Чудовища

Валерия Михайловна Чернованова

Магия колдунов Нью-Фэйтона непредсказуема и опасна. За красивыми фасадами богатых домов скрываются призраки прошлого и древние проклятия, а прекрасный принц вполне может оказаться чудовищем, хранящим роковую тайну. Похищая юную Мишель, бедное чудовище даже не подозревало, что его жизнь перевернется с ног на голову. И все благодаря своенравной красавице, решившей разобраться со всеми его тайнами.

Валерия Чернованова

Похищенная, или Красавица для Чудовища

Часть первая

Отравленный любовью

Глава 1

– Мы не ждали тебя раньше следующей зимы. – Гален Донеган с улыбкой посмотрел на несостоявшегося выпускника, протягивающего ему бокал, на треть

наполненный кукурузным виски.

Отец, конечно, придет в ярость, когда узнает, что Кейран бросил учебу за несколько месяцев до ее завершения. Но сам Гален находил просиживание в университете пустой тратой времени, а потому полностью поддерживал решение бунтаря.

Приземлившись в соседнее кресло, молодой человек с улыбкой проговорил:

– Я и сам от себя такого не ожидал. Но, как оказалось, я совершенно не умею сдерживаться. Руководству Тенненского университета не очень-то понравилось, что время от времени студенты в кампусе становятся трупами. Началось расследование. – Кейран вертел в руках бокал, согревая тонкое стекло длинными сильными пальцами, в иные ночи, вот как сегодня, способными без усилий свернуть жертве шею. Он блаженно жмурился, вдыхая запах терпкого напитка, наслаждался игрой бликов, отбрасываемых пламенем в камине на грани бокала.

Вот по чему он действительно скучал, протирая штаны в Тенненском университете, так это по хорошему бурбону. Такому, как этот. Насыщенного золотистого цвета, с неповторимым ароматом и долгим послевкусием.

– И ты поспешил трусливо смыться.

– По-твоему, следовало дожидаться ареста, а потом и виселицы? – Кейран фыркнул, и на его лице появилось так хорошо знакомое Галену ироничное выражение. – Я решил, что безопаснее пастись на родных пастбищах.

Жажда убийства, одержимость проснулись в Кейране прошлой осенью, и с тех пор все его мысли были только об охоте и умирающих от страха жертвах. В Тенненсе было не разгуляться. Городок небольшой, все в нем друг друга знают. А в кампусе и подавно. Но здесь, в краю бескрайних болот и дремучих лесов, где рисовые и хлопковые поля простираются до самого горизонта и каждая плантация кишмя кишит невольниками, можно было не беспокоиться о последствиях.

Кому какое дело, если раз в месяц будет исчезать пара-тройка рабов? Их тут же заменят новыми.

Заложив руки за голову, Кейран устало зевнул.

– Да и вообще я сыт учебой по горло. Как и тамошними бледнолицыми жеманницами, с которыми как следует не позабавишься. Им явно недостает страсти и темперамента южанок. Кстати, о темпераменте! Катрина сказала, ты притащил в дом какую-то крикливую девицу. Кто она?

– Сестра моей невесты, – немного помолчав, признался Гален. Опрокинув в себя плескавшийся на дне бокала крепкий напиток, вытянул ноги в горчичного цвета бриджах и высоких сапогах поближе к согревающему пламени.

Весна была в самом разгаре, но вечерами по-прежнему было прохладно.

– И что же сестра твоей невесты делает у нас на чердаке?

– Перевоспитывается.

– Для себя дрессируешь? – хмыкнул Кейран.

– А то! – В глазах Донегана зажегся огонь желания, стоило ему вспомнить о девушке, с недавних пор поселившейся в его мыслях и в снах.

– Ну и как сестра твоей невесты в постели? – не без любопытства поинтересовался Кейран, перебирая в памяти лица соседей-плантаторов и их хорошеньких дочерей, с одной из которых, Флоранс Беланже, Гален недавно обручился.

Кажется, когда семь лет назад Кейран уезжал в Тенненс, сестре Флоранс едва исполнилось десять. Это была худенькая девчушка, смуглая, курносая. Неугомонная егоза, повергавшая достопочтенную чету Беланже в шок своими выходками.

И вот теперь за перевоспитание маленькой дикарки взялся Гален. Кейран негромко усмехнулся. Оставалось только посочувствовать девчонке, а брату пожелать удачи.

– В постели? Это мне еще только предстоит выяснить. – На лице двадцатилетнего Донегана появилась предвкушающая улыбка.

– И чего медлишь?

– А куда спешить? Что я, животное какое-то? Пока что девчонка меня боится, но со временем я сумею ее укротить и приручить.

– Значит, ласковый и пушистый хищник. – Кейран едва сдержался, чтобы не захохотать в голос.

– Пока что меня это забавляет.

Несостоявшийся студент был уверен, что Гален и выдержка понятия несовместимые. Тем более что одного взгляда, брошенного на брата, было достаточно, чтобы понять: он помешался на своей игрушке.

А значит, очень скоро ему надоест ее дрессировать.

Поднявшийся ветер разогнал тучи, и теперь на небе светила полная луна, разливая свой холодный свет по окрестностям Блэкстоуна. С болот ощутимо тянуло гнилостными испарениями. Сырой воздух просачивался сквозь щели выбеленного известкой особняка, принося с собой будоражащий сознание запах пота разгоряченных за долгий день, проведенный на полях, рабов. Их приглушенные, похожие на мышиную возню голоса. Кейран чувствовал горячую кровь, бегущую по венам. Едва уловимое биение сердец. Дурманящий аромат пленницы, ощущавшийся даже здесь, в библиотеке. Как будто ей пропах весь дом.

Кейран задрожал от предвкушения. Сглотнув осевший в горле ком, поднялся поспешно.

– И все-таки ты животное, Гален. Такое же, как и я. Пойдем-ка лучше из дома. Пока я еще в состоянии соображать и сдерживаться. – Покосившись на брата, с мрачной усмешкой закончил: – Иначе перевоспитывать тебе будет некого.

За несколько дней до этого...

Кусая в волнении губы, Мишель смотрела на то, как ее старшую сестру одевают к помолвке. Как затягивают туго корсет, пытаясь придать соблазнительные очертания не слишком изящной фигуре. Как завязывают вокруг ставшей тонкой талии пояс нового муслинового платья с таким широким кринолином, что тот рисковал не поместиться в проеме раскрытой двери.

«И тогда придется ей выходить к гостям через окно», – злорадно подумала Мишель, борясь с желанием показать отражению старшей Беланже, куклой застывшей перед зеркалом, язык.

За то, что Флоранс счастливо улыбалась, в то время как она едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

Устроившись на мягком пуфе и подперев подбородок кулачками, Мишель с грустью наблюдала за тем, как рабыня по имени Серафи, подаренная сестрам несколько лет назад, споро укладывает волосы Флоранс, аккуратно закалывая каждый темный завиток и пряча их под украшенную жемчугом сетку. Все эти ухищрения должны были сделать ее красивее, чем она была на самом деле, однако не слишком-то помогли.

С самого детства Мишель только и слышала, что она очаровательнее и милевиднее старшей сестры. Ей всегда доставались комплименты и восхищенные взгляды молодых джентльменов. Да и мальчишки-рабы с плантаций украдкой любовались юной красавицей. Мишель уже давно привыкла к знакам внимания и воспринимала их как должное. Но сейчас это казалось ей слабым утешением, она бы с удовольствием променяла всех своих поклонников на одного единственного.

Замуж за которого собиралась Флоранс.

Случайная встреча под тентом шляпного магазина на одной из главных улиц Нью-Фэйтона изменила жизнь Мишель. Ведь с тех пор в ней появился Гален Донеган – красавец-брюнет, сын одного из самых богатых плантаторов Юга. Высокий, загорелый Гален превосходно держался в седле и слыл лучшим наездником графства. А его глубокий, пронизанный обаянием голос заставлял мурашки бежать по телу. О взгляде Мишель и вовсе предпочитала лишний раз

не думать, дабы не беречь себе душу. От такого замирает сердце, чтобы потом забиться еще быстрее.

С того памятного вечера молодой наследник Блэкстоуна завладел мыслями и чувствами Мишель Беланже, потеснив всех остальных знакомых мужчин, которые значительно проигрывали в сравнении с ним.

Казалось, он ей тоже симпатизирует – Гален всегда был безупречно вежлив, внимателен, улыбчив. Даже пару раз пригласил их с сестрой на пикник. Мишель была уверена, что Флоранс сопровождала их, просто чтобы соблюсти приличия. Нельзя же отпускать семнадцатилетнюю девушку одну на прогулку с молодым джентльменом.

Каким же потрясением стало для Мишель предложение руки и сердца, которое Гален сделал не ей!

А Флоранс, не будь дурой, сразу его приняла. Едва не завизжала от восторга и лишь чудом не хлопнулась в обморок от переполнявших ее эмоций. Не попросила даже денечка на раздумья! Родители не замедлили дать согласие, и вот теперь наступил день помолвки.

Самый страшный для Мишель день.

– Ей очень идет, правда? – услышала она звонкий голосок младшей сестры Элиз, которую все ласково называли Лиззи.

– Мне бы пошло больше, – буркнула Мишель, сверля взглядом затылок невесты, будто надеялась проделать в нем дыру.

– А когда будет твоя помолвка? – допытывалась восьмилетняя непоседа, наматывая круги по комнате, подбегая то к счастливой избраннице, то к несчастной кареглазой страдальце.

– Когда найдется дурень, который согласится взять в жены это недоразумение, – хмыкнула Флоранс, довольно оглядывая свое отражение. Пока служанка, опустившись на корточки, оправляла подол ее роскошного, жемчужного цвета платья.

– Ну уж если нашелся такой для тебя...

Нет, обзывать Галена совсем не хотелось, но Флоранс, как обычно, намеренно ее провоцировала!

– Когда-нибудь и Мишель обручится, Лиззи. Не сейчас, – услышав их разговор, в комнату вошла мать. – Ей всего семнадцать, милая. Ни к чему спешить.

– Восемнадцать скоро! – зачем-то уточнила средняя Беланже, как будто этим пыталась сказать, что она уже готова стать хранительницей домашнего очага. Но только если к этому очагу будет прилагаться наследник Блэкстоуна.

Догадываясь о чувствах дочери, Аделис Беланже покачала головой, тем самым пресекая очередную готовую вспыхнуть между сестрами ссору. Несмотря на внешнюю хрупкость, Аделис являлась непререкаемым авторитетом для всех: и для домочадцев, и для рабов.

– Не торопись взрослеть, Мими. У тебя еще все впереди.

Когда Флоранс отошла от зеркала, Мишель бросила в него взгляд, желая удостовериться, что веки не сильно припухли. Она проплакала полночи, уткнувшись лицом в подушку, а заснула только к утру. Хотелось верить, что никто не разгадает причину ее подавленного состояния.

Однако все обещания держаться и быть сильной рухнули, точно ветхая плотина под стремительным натиском весеннего паводка, стоило ей увидеть Галена. Он вошел в дом, улыбаясь своей привычной, такой обаятельной улыбкой. Мишель, спускавшаяся по лестнице, замерла на ступенях, до белых костяшек сжимая перила.

Молодой человек выглядел, как всегда, безупречно в скроенном точно по фигуре темном костюме. Не успев переступить порог, он сразу же направился к невесте. Коснулся поцелуем заблаговременно протянутой руки. Внимательный взгляд, скользнув по приглашенным, задержался на Мишель. И ей вдруг почудилось, будто в глазах Донегана промелькнуло сожаление. Наверняка он тоже мечтал увидеть на месте Флоранс ее! Сердце беспокойно забилося.

«Должен, должен быть какой-то выход! Я не позволю его у меня отнять! – твердила себе Мишель, рассеянно отвечая на знаки внимания обступивших ее кавалеров. Словно это она была виновницей торжества. – Я буду не я, если что-нибудь не придумаю!»

Решительно тряхнув темными кудрями, девушка извинилась перед разочарованными поклонниками, так жаждущими ее внимания, и направилась к сестре и Галену.

– Уже можно поздравлять? – спросила кисло, тщетно пытаясь придать лицу безмятежное выражение.

В ответ Донеган сказал шутливо:

– Скоро мы станем родственниками, и тогда я смогу называть вас малышкой Мими.

– Вот уж ни за что! – надула она губы. – Называйте так Лиззи. А я уже давно не ребенок.

– Кажется, тебя мама зовет, – сквозь зубы процедила Флоранс, нервно обмахиваясь веером.

В голосе сестры явственно слышалось раздражение. Можно было предположить, что она что-то заметила и начала ревновать, но Мишель знала, дело в другом – просто Флоранс меркла на фоне младшей сестры, а потому на светских приемах старалась держаться от нее подальше.

– Вы ведь подарите мне один вальс? – отмахнувшись от недовольной невесты, обратилась к Донегану Мишель, кокетливо хлопая ресницами.

Флоранс закатила глаза и стала еще яростнее терзать ни в чем не повинный веер, рискуя его сломать.

– Где это видано, чтобы благовоспитанная девушка напрашивалась на танец!

– Я не напрашиваюсь, а просто предлагаю. – И снова у Мишель появилось желание показать злюке язык.

В тот момент Галену захотелось потрепать юную Беланже по щеке, настолько трогательно она смотрелась в бирюзовом платье из органди. А может, даже сорвать с пухлых, таких чувственных губ поцелуй. Разумеется, этого он не мог себе позволить. Ни сейчас, ни когда-либо в будущем. Хотя и был не против.

Отец никогда его не простит, если свадьба со старшей дочерью Вальбера Беланже сорвется. Да и он себя тоже.

– Я с радостью подарю вам два вальса, – и тем не менее, не сумев отказать себе в удовольствии провести больше времени в компании юной красотки, с улыбкой сказал Донеган.

Окрыленная обещанием в скором времени оказаться в объятиях чужого жениха, Мишель извинилась перед Галеном и поспешила на зов матери. Которая, как и отец, выглядела такой счастливой, что она невольно испытала укол совести. Они наверняка будут расстроены из-за расторжения помолвки... Но ведь Гален все равно станет их зятем, так что велика ли разница, которую из дочерей выдавать за него замуж?

А так просто подарить его Флоранс она не может.

Не может, и все тут!

Среди гостей Мишель заметила Сагерта Донегана – отца Галена. Даже в свои сорок девять мистер Донеган выглядел отлично. Наверное, сын будет таким же, как он, и до конца жизни не утратит поджарую фигуру, отличную осанку и густые темные волосы, чуть тронутые на висках сединой.

Несмотря на то что вечер выдался прохладным, в зале было душно. Приблизившись к распахнутому окну, Мишель залюбовалась открывающимся из него видом на поместье Лафлер. Солнце уже почти скрылось за горизонтом. Буйно цвели персиковые деревья, смыкаясь вокруг старинного особняка с величественными колоннами душистым кольцом. При каждом порыве ветра деревья сбрасывали нежные лепестки, застилая землю невесомой бело-розовой дымкой.

Такая умиротворяющая и привычная с детства картина.

– Интересно, а как выглядит Блэкстоун? – прошептала Мишель.

Странно, но их никогда не приглашали во владения Донеганов. Не устраивали ни барбекю, ни балы.

Праздник продолжался. Слуги, принаряженные по случаю помолвки одной из хозяйских дочерей, разносили угощения, звучали тосты за жениха и невесту, сменялись танцы. Когда Мишель наконец вложила свою руку в ладонь Галена и они под чарующую музыку вальса закружились по залу, она поклялась во что бы то ни стало стать его.

А клятвы, особенно данные самой себе, Мишель Беланже никогда не нарушала.

Глава 2

Мишель стояла, кутаясь в шаль, и взглядом провожала Галена. После того как молодой человек выполнил свое обещание – протанцевал с ней два танца, Флоранс жениха к сестре больше не подпускала. Из кожи вон лезла, пытаясь завладеть его вниманием. Чем доводила соперницу, о наличии которой пока что, кажется, даже не подозревала, до отчаяния. Мишель ничего не оставалось, кроме как любоваться Донеганом издали и мысленно ругать сестру-эгоистку.

Даже когда настало время прощаться, средней Беланже пришлось остаться на крыльце – спуститься к дорогому гостю запретила мать. Подпирая плечиком одну из колонн, обрамлявших фасад двухэтажного особняка – светлого, с покатой крышей и балконами, увитыми клематисом, оттенявшим их летом ярко-фиолетовыми цветами, – Мишель хмуро наблюдала за воркующей парочкой. Флоранс глупо хихикала, жадно ловила каждое слово Галена и смотрела на него с обожанием.

Наверное, если бы у нее имелся хвост, она бы завиляла им, как преданная собачонка.

– Доброй ночи... Мими, – приподняв за тулью шляпу, шутливо попрощался с будущей родственницей Донеган. После чего почтительно поклонился застывшей на ступенях крыльца хозяйке Лафлера. – Благодарю, мадам, за чудесный вечер.

Сагерт Донеган первым забрался в коляску и негромко окликнул сына. Флоранс тут же протянула жениху руку, напрашиваясь на прощальную ласку.

«Чтоб она у тебя отсохла!» – в сердцах подумала Мишель, едва не топнув от досады ногой и в который раз испытал острое, почти болезненное желание оказаться на месте сестры. Но ощутив на себе пристальный взгляд матери, казалось, способной прочесть ее мысли, поспешила вернуться в дом.

Пока Аделис раздавала указания слугам, наводившим порядок на первом этаже, а глава семейства Вальбер Беланже наслаждался «обществом» вайенских сигар и бурбона в своем кабинете, сестры готовились ко сну.

Младшая Элиз уже давно отдыхала – о ней позаботилась няня, пожилая рабыня по имени Чиназа, привезенная в Анделиану еще ребенком. Ее выкупил на аукционе прадед Мишель, и с тех пор Чиназа никогда не покидала пределов графства, верой и правдой служила своим хозяевам, а сестер Беланже любила, как родных дочерей.

– Еще не надоело страдать?

У Мишель возникло ощущение дежавю: она снова сидела в дальнем углу спальни, поглощенная своими мыслями. Пока Флоранс, стоя возле напольного зеркала, привычно покрикивала на Серафи, поторапливая служанку, чтобы поскорее сняла с нее платье и расшнуровала корсет, от которого ей не терпелось избавиться.

– О чем это ты? – встрепелась Мишель. Мыслями она была далеко: под нежные звуки вальса снова кружилась с Галеном.

– А то ты не понимаешь! – фыркнула Флоранс. – Весь вечер его глазами пожирала. Думала, не знаю, что ты влюбилась в него как кошка?

Мишель вспыхнула. Заявление сестры застало ее врасплох. А ведь она была уверена, что Флоранс не видит дальше собственного носа.

– Если такая зоркая, значит, должна была заметить, что я тоже ему небезразлична! – решив, что лучшая защита – это нападение, выпалила она.

Отпихнув служанку, торопливо ослаблявшую шнуровку корсета, Флоранс резко развернулась к сестре. Ее лицо, которое и в моменты благодушия было не слишком-то привлекательным, во время приступов гнева становилось и вовсе отталкивающим. Резкие крупные черты, унаследованные от отца, проявлялись еще сильнее.

– Что ты сказала? – Флоранс угрожающе сощурилась.

– Что когда он со мной, он смотрит только на меня. А оказываясь с тобой рядом – куда угодно, но только не на свою избранницу. Может, боится ослепнуть от твоей неземной красоты?

– Ах ты, мелкая дрянь! – взорвалась невеста. Схватив первое, что попало под руку, – щетку для волос, рванулась к сестре. – Сейчас я сделаю из тебя такую красавицу, что на нашей свадьбе это тебе придется прятать лицо под вуалью!

Флоранс была старше Мишель почти на пять лет, выше ее на голову, крупнее и сильнее и могла, не прилагая усилий, а также не без удовольствия выполнить свою угрозу. Мишель это прекрасно понимала, а потому решила не испытывать судьбу. Со всех ног бросилась в коридор, мысленно послав ворох нижних юбок, валявшихся возле зеркала, следом за взбешенной фурией.

В отличие от Флоранс, с детства не дружившей с магией, средняя Беланже с легкостью, как будто играючи, черпала силу из родной земли. И покидая пределы поместья, всегда брала с собой оберег, хранящий в себе плодородную, напитанную силой почву Лафлера.

Флоранс громко выругалась, запутавшись в юбках, что неожиданно свалились ей на голову. Короткой заминки сестры хватило Мишель, чтобы вылететь из спальни и чуть ли не кубарем скатиться с лестницы. Она уже собиралась выскочить на улицу, а оттуда мчаться до конюшен – не потому что боялась Флоранс (при желании можно было запросто обрушить ей на голову и что-

нибудь потяжелее), а потому что как никогда нуждалась в одиночестве, – но дорогу ей преградила мадам Беланже.

– Выпорю! – визжала со второго этажа Флоранс. Нисколько не беспокоясь о том, что слуги, возившиеся в холле, увидят ее полураздетой, рванула вниз. – Выпорю так, что и имя его забудешь!

– Я тебе не рабыня! – юркнув за спину матери и дерзко задрав подбородок, выкрикнула Мишель. – И не собираюсь его забывать! Я выйду за него замуж!

Слова эти, оброненные сгоряча, прозвучали как гром среди ясного неба. Флоранс застыла на нижней ступени, точно окаменев. Бледная, терзаемая яростью, сжигаемая ревностью. Она и раньше догадывалась, что Мишель была интересна ее жениху, а сегодня на помолвке подозрения только усилились. Когда Галену казалось, что никто на него не смотрит, он искал глазами Мишель, а отыскав, подолгу не отводил от нее взгляда. Такого, какого никогда не дарил своей невесте. Взгляда, полного неупокоенной жажды.

Желания.

Напряженную тишину развеял тихий голос Аделис Беланже:

– Пойдем со мной, Мишель. У нас с отцом есть для тебя новость.

Той ночью родители отправили Мишель спать в комнату к Элиз. После того как вынесли свой вердикт: средней Беланже надлежало уже завтра уехать в Доргрин – маленький городок на окраине графства, где жили их родственники, тетушка и дядюшка Шеналлы. По мнению Мишель, самые скучные люди на свете.

Да и захоlustье их – так пренебрежительно отзывалась о Доргрине Мишель – было ничем не лучше. Три кривые улочки, пара магазинов да один салун, в котором дядя Эмерон любил просиживать за игрой в карты, где чаще проигрывал, чем выигрывал, доводя тем самым свою вечно всем недовольную супругу до нервного срыва.

Даже один день в обществе не самых любимых родственников казался Мишель хуже пытки. А уж уезжать сейчас, когда она решила во что бы то ни стало отвоевать Галена... Боль хищным зверем вонзила когти в сердце девушки, из глаз помимо воли брызнули слезы.

- Вы... вы не можете так со мной поступить.

- Так будет лучше для всех.

Глядя в суровое, изрезанное морщинами лицо отца, Мишель зарыдала еще отчаяннее. Вальбер Беланже редко проявлял характер, почти никогда не гневался, даже на нерадивых слуг, которых, была б на то воля Флоранс, пороли бы с утра до вечера. А уж Мишель хозяин Лафлера обожал и предпочитал закрывать глаза на ее мелкие и не очень шалости. И тогда роль строгого родителя приходилось брать на себя Аделис.

- Но па... - Мишель с надеждой подняла на него блестящие от слез глаза, надеясь разжалобить.

Увы, смуглое лицо Вальбера по-прежнему оставалось бесстрастным, а взгляд в кои-то веки выражал осуждение.

- Ты молода и импульсивна, Мишель, и можешь натворить глупостей. Флоранс и так вся на нервах из-за предстоящей свадьбы, а ты ее еще провоцируешь.

- Ты не понимаешь!

Широкая коренастая фигура отца, как на троне восседавшего за столом, расплывалась перед глазами. Света, исходящего расписными бра, золотистыми полумесяцами выделявшимися на фоне темных обоев, едва хватало, чтобы осветить просторный кабинет, пропахший табаком и кожей. Мишель была рада этому полумраку, хоть немного скрадывавшему ее эмоции.

Ей было невдомек, что родители уже давно догадывались о ее чувствах к Галену. Однако зная о том, какой Мишель была влюбчивой и непостоянной, надеялись, что скоро и этот каприз останется в прошлом и дочь увлечется кем-нибудь из своих многочисленных поклонников.

– Наоборот, милая, мы все прекрасно понимаем, – ласково произнесла Аделис. Обняв захлебывающуюся слезами дочь, с теплотой в голосе добавила: – Чем дальше ты будешь от него, тем лучше. Со временем это чувство пройдет, и ты повстречаешь своего суженого. Да и дядя с тетей так по тебе соскучились. Они будут рады твоему обществу.

– А я по ним нет! Лучше бы связали меня и отправили на болота к аллигаторам, как это делала со своими рабами мадам Тенори. И то было бы милосерднее!

Как ни старалась Мишель, родители остались глухи к ее мольбам. Несмотря на клятвенные заверения, что она сестре больше слова не скажет и даже не взглянет в сторону Донегана, ей было велено идти спать, а с утра пораньше готовиться к «ссылке». Хотелось верить, что не пожизненной. Хоть отец и мать не пожелали уточнить, на какой срок отправляют ее к родственникам.

Мишель не помнила, сколько времени беззвучно прорыдала, уткнувшись лицом в подушку, в окружении кукол и плюшевых игрушек младшей сестры. Постепенно дом окутала тишина – слуги закончили с уборкой и разбрелись по своим комнатам. Лишь снаружи тревожно шумели деревья да луна, наполовину сокрытая тучей, серебрила застланный ковром пол. С соседней кровати слышалось мерное посапывание Элиз, крепко обнимавшей шитую из лоскутов куклу. Старую и неказистую, особенно по сравнению с ее фарфоровыми «подружками». Зато самую любимую. Ведь это был подарок Мишель. А той в свое время ее смастерила няня.

Мысль о том, что завтра она расстанется с дорогими сердцу краями, с силой, без которой уже не мыслила жизни и которую могла черпать только из родной земли, а главное – окажется далеко-далеко от Галена, сводила ее с ума.

Мишель искренне верила, что Донеган не испытывает к невесте никаких чувств. Разве что дружескую симпатию, да и то вряд ли. А значит, эта свадьба разобьет не только ей сердце. Брак со старшей Беланже, несомненно, превратит наследника Блэкстоуна в самого несчастного мужчину на свете.

В то время как она, Мишель, могла бы сделать его по-настоящему счастливым.

– И сделаю! – свесив ноги с кровати, решительно заявила Мишель, даже в самые горькие минуты отчаяния не терявшая боевого духа.

Что-то внутри болезненно кольнуло – осознание того, что после этого Флоранс наверняка ее возненавидит. Но о последствиях средняя Беланже предпочитала не думать. Так уж она была устроена – всегда бросалась в омут с головой, не задумываясь о том, кого еще случайно могла за собой утянуть.

На цыпочках, избегая наступать на скрипучие половицы, Мишель прокралась в их с Флоранс спальню, оглашаемую короткими громкими храпами. Еще один повод для того, чтобы спасти Галена! Схватила первое попавшееся платье, шаль со шляпкой, не забыв и о красном сафьяновом мешочке на витом шнурке, хранящем в себе землю Лафлера. А также жестяную коробку из-под конфет со всеми своими сбережениями за год – Мари Лафо не станет помогать даром.

Осторожно притворив за собой дверь, Мишель спустилась на первый этаж и поспешила в комнату, в которой крепко спали Серафи и няня Элиз. Настолько крепко, что не сразу удалось добудиться до шестнадцатилетней рабыни.

– Мисс! Что вы здесь де...

Мишель приложила палец к губам и жестом велела Серафи следовать за ней. А когда девушка, сонно зевая, доплелась наконец до коридора, шепотом приказала:

– Помоги мне собраться. И сама одевайся.

– Зачем? – вытаращила на хозяйку и без того большие навывкате глаза служанка и взволнованно, громче, чем следовало бы, спросила: – Мисс Мишель, что вы опять задумали?

– Да тише ты! – шикнула на рабыню Мишель. Поколебавшись с мгновение, бесстрашно сказала: – Мне нужно повидать Королеву.

Серафи тоненько вскрикнула, прижала руки к лицу. С мольбой и страхом заглянула в глаза госпожи, но не нашла в них ничего, кроме отчаянной решимости.

Глава 3

Мишель боялась не столько встречи с нью-фэйтонской колдуньей, сколько того, что ее план может провалиться. Вдруг кто-то из рабов, спящих в беленых известковой хижинах, услышит, как она выводит из конюшни Полночь – вороную кобылу, получившую такую кличку за свой иссиня-черный окрас. Наверняка глупый раб сразу побежит докладывать о беглянке хозяину.

Или же ей не повезет повстречать в городе кого-нибудь из соседей, из тех друзей отца, которые любили допоздна засиживаться в салунах, кутить и проматывать деньги за игрой в покер.

Мишель в отчаянии закусил губу. Если ее вернут домой прежде, чем она повстречается с Мари Лафо, – все пропало! Разве сможет она отыскать в Доргрине приличного колдуна? Она скептически усмехнулась. Конечно же нет! Кроме повитух да знахарок в той глуши больше никого не водилось.

У нее оставалось в запасе всего несколько часов. Одна короткая ночь, которая станет переломной в ее судьбе.

Серафи тоже боялась. Не того, что их вдруг поймают и погонят обратно в Лафлер. И даже не назойливых, а иногда и опасных во хмелю джентльменов, которые могли повстречаться им на пути к ведьме. Госпожа легко вразумит пьянчуг с помощью силы.

Серафи боялась Королевы и ее темного колдовства.

Слухи о Мари Лафо ходили разные. Юная рабыня могла припомнить с дюжину страшных историй, а то и больше, о кровавых обрядах, в результате которых погибали люди. Кто-то быстро, сгорая в одно мгновение. А кто-то медленно и мучительно.

– Ну что же ты застыла, как пень с глазами?! – прикрикнула на рабыню Мишель. – Скорей залезай в седло!

– Мне... мне страшно, мисс, – дрожа, как осиновый лист, проклацала зубами девушка. Поплотнее закутавшись в шерстяную шаль, чуть слышно повторила: –

Так страшно...

- А станет еще страшнее, когда я с утра пораньше прикажу тебя выпороть!

В отличие от Флоранс средняя Беланже никогда не воспитывала слуг при помощи кнута и палки, была вспыльчивой, но быстро отходила. Однако сейчас Мишель готова была пригрозить Серафи какими угодно карами, лишь бы та перестала ныть и подошла к лошади, апатично пощипывающей траву.

Шмыгнув носом, служанка неуклюже уместилась в седле. Двигалась она неторопливо, до последнего надеясь, что кто-нибудь из домочадцев проснется, обнаружит, что хозяйская дочка исчезла, и их успеют остановить прежде, чем они покинут пределы поместья.

Но надеждам Серафи не суждено было сбыться. С тяжелым вздохом она тронула поводья. Ей ничего не оставалось, как последовать за госпожой, уверенно прищпорившей лошадь. Полночь сорвалась с места и понеслась по широкой аллее, обрамленной старыми высокими деревьями. Густые кроны тянулись друг к другу, почти смыкаясь над головами девушек, закрывая собой подернутое туманной пеленой небо.

Вскоре они уже мчались вдоль сахарных полей по направлению к Нью-Фэйтону. За сахарной плантацией Беланже начинались владения О'Фарреллов, с которыми Аделис и Вальбер были в приятельских отношениях. Старшие сыновья О'Фарреллов не первый год ухлестывали за Мишель, свято веря, что однажды своенравная красавица станет одному из них женой.

Но Мишель не видела рядом с собой никого, кроме Галена.

Девушкам повезло, они без приключений добрались до города. Несмотря на поздний час, жителям Дальвинского квартала, названного в честь первых иммигрантов из далекой Дальвинии, несколько веков назад переплывших океан в поисках лучшей жизни, было не до сна.

Серафи никогда не любила этот город. Поговаривали, что на том месте, где был возведен Нью-Фэйтон, прежде простиралось болото. Коренные жители этих земель, люди-волки, прозванные белыми поселенцами лугару, хоронили на болоте своих умерших и считали его священным. «Город на костях» - не без

трепета говорили о Нью-Фэйтоне рабы.

В увеселительных заведениях Дальвинского квартала гремела музыка, в окнах звенели стекла от хохота и громких возгласов. Мишель напряженно озиралась, опасаясь увидеть кого-нибудь из знакомых. Серафи тоже вертела головой. Ежилась, вспоминая истории о духах и привидениях. Если верить молве, ночами они покидали свои могилы, расползались по подворотням и, затаившись, ждали появления одинокого прохожего, чтобы как следует его напугать. А самые злые не ленились разбрасываться проклятиями. Серафи очень не хотелось быть проклятой во цвете лет. Она мечтала повернуть обратно, а потому ее серая лошадка в яблоках еле переставляла ногами.

– Мисс Мишель, давайте вернемся домой. Ну, мисс Мишель, пожалуйста, – жалобно ныла служанка.

Серафи вскрикнула от неожиданности, когда двери салуна, формой напоминавшие крылья летучей мыши, распахнулись, выплюнув двух едва державшихся на ногах молодых мужчин. Один был без шляпы, при галстукке, повязанном впопыхах, и мятом костюме из дорогого коричневого сукна. У другого за головой болталась шляпа, зато не имелось сюртука. И рубашка, вместо того чтобы быть аккуратно заправленной в брюки, белела навывпуск.

Мишель вспыхнула. Это было одно из тех заведений, где мужчины развлекались не только игрой в карты. Тряхнув головой, она постаралась отогнать от себя неподобающие благовоспитанной леди мысли и легонько хлестнула лошадь по лощеному крупу, заставляя перейти с шага на рысь. Пока стоявшие в обнимку завсегдатаи публичного дома их не заметили. Это были те самые О'Фарреллы, что так отчаянно добивались руки Мишель, а сейчас фальшиво горланили похабную песенку о прелестях какой-то там красотки Лизбет.

Чувствуя, как сердце ускоряет свой ритм и ладони в митенках становятся влажными, Мишель доехала до конца квартала. Мимо пестрых вывесок магазинов, мимо обсаженных франжипани особняков и скромных, сколоченных абы как из досок густонаселенных домов.

Наконец Мишель остановилась, а следом за ней, тихонько охнув, замерла и Серафи. Ее снова начала бить дрожь, стоило ей увидеть старый, но тем не менее не утративший былой красоты дом. Черные провалы окон окаймляла пышная

лепнина, увы, давно потерявшая цвет и местами раскрошившаяся. По обеим сторонам мощеной дорожки, что вела к крыльцу, темными пиками выростали фонари, а крышу венчали крылатые каменные чудовища. Когда-то украшать карнизы такими вот статуями считалось хорошим тоном. Правда, у одного из монстров недоставало передних клыков и был отбит самый кончик хвоста. Да и черепица нуждалась в починке, а двор следовало бы очистить от прошлогодней пожухшей листвы.

– Мне кажется, не стоит будить Королеву, – несмело заикнулась рабыня, не заметив в доме ни единого лучика света. – Лучше поедemте отсюда, мисс.

– Мне кажется, тебе стоит умолкнуть, – храбрясь, шикнула на свою спутницу Мишель.

– Но, мисс... – жалобно пискнула та в ответ.

– Не успокойсья – попрошу мадам Лафо тебя успокоить! – пригрозила Мишель, заводясь. – Так успокоит, что в ближайшее время не проронишь и звука.

Серафи прижала руки к губам, испугавшись за свой язык и сразу поверив, что в припадке гнева хозяйка вполне может попросить колдунью о такой кошмарной услуге. А потому, что бы ни случилось, она госпоже больше слова не скажет.

Все равно ведь не вразумит.

В глубине души Мишель уже успела пожалеть о своем решении – уж слишком устрашающим в ночной тиши казалось ей жилище ведьмы. Однако упрямство и привычка доводить задуманное до конца оказались сильнее суеверного страха.

Передав поводья рабыне, она толкнула калитку, отозвавшуюся противным скрипом, и отправилась будить самую могущественную ведьму Нью-Фэйтона.

Вопреки опасениям Серафи, сон хозяйки дома не был нарушен. Дверь юным гостям открыла сама Королева еще до того, как Мишель успела постучаться. Она так и застыла с занесенным в воздухе кулаком, с благоговейным трепетом взирая на колдунью. Невысокая и изящная, под взглядом рослой красавицы-

жрицы Мишель вдруг почувствовала себя совсем крошечной.

Дочь плантатора и рабыни Мари Лафо росла свободной, холимая и лелеемая отцом. От него она унаследовала резкие благородные черты лица, хранившие печать гордыни, властный характер и некогда роскошный, а ныне пришедший в упадок особняк в центре города. Силу же будущая Королева Нью-Фэйтона впитала с молоком матери.

Глядя в темные, неподвижные, как будто остекленевшие глаза, какие могли принадлежать не живому человеку, а какой-нибудь кукле из лавки ужасов, Мишель ощущала себя загипнотизированным кроликом, замершим перед разверстой пастью удава.

– Проходи, – наконец обронила ведьма, освобождая гостью дорогу. Заметив притаившуюся у крыльца рабыню, резко повелела: – А ты жди на улице.

Обрадованная тем, что не придется входить в дом ведьмы, и вместе с тем напуганная вниманием Королевы, Серафи юркнула за дерево, неподалеку от которого у резной коновязи стояли лошади.

Мишель продолжала в нерешительности топтаться на месте. Однако взгляд пронзительных черных глаз, коршуном метнувшийся к ней, заставил ее, оробевшую, сдвинуться с места.

Через окутанный сумраком холл она проследовала за колдуньей в гостиную. Мари Лафо шла бесшумно, ее широкие бедра в пышной юбке плавно двигались из стороны в сторону, словно покачивающаяся на волнах лодка. Мишель про себя отметила, что мадам Лафо была необычайно хороша в этом наряде, яркие цвета еще больше подчеркивали ее экзотическую красоту. Под ультрамаринового цвета блузой, перехваченной на талии широким зеленым поясом, колыхалась пышная грудь, не знавшая корсета. Голову жрицы украшал тиньон – шелковый платок, намотанный наподобие чалмы и обвитый алой ниткой бус. Такие тюрбаны вменялось носить всем цветным женщинам Юга. Не только рабыням, но и свободным, рожденным от белых господ: мулаткам и квартеронкам.

Колдунья опустилась в кресло, и Мишель услышала, как дружно звякнули золотые цепочки в вырезе ее блузы. Они мягко поблескивали в полумраке,

разбавленном трепещущим пламенем свечей. Как и массивные серьги-кольца, оттягивавшие мочки ушей.

Так и не дождавшись приглашения устраиваться в соседнем кресле, Мишель все же осмелилась опуститься на его краешек и замерла, чинно сложив на коленях ладони, точно гувернантка, явившаяся по объявлению о работе. Девушка исподлобья поглядывала на колдунью, которая даже не удосужилась угостить ее чаем.

Словно прочитав мысли гостьи, ведунья сказала:

- Я бы предложила тебе чаю, но ты ведь не за тем пришла.

- Не за тем, - согласилась Мишель и умолкла, не в силах проглотить застрявший в горле горький комок и поведать Мари Лафо о причине своего визита.

Горьким и одновременно приторно сладким был и запах, витавший в комнате. Казалось, все вокруг - и стены, по которым причудливыми узорами расползались трещины, и мебель - было пропитано ароматами трав и чем-то еще. Чем-то, что заставляло Мишель морщиться и дышать через раз. Так и хотелось подскочить к окну, толкнуть ставни, покрытые растрескавшейся краской, и, перекинувшись через подоконник, жадно глотать ртом сырой ночной воздух.

«Как будто мертвечиной из-под пола несет», - подумала Мишель и в страхе поежилась, опустив взгляд на скрипучие половицы.

- Мне нужно его имя, - нарушила затянувшееся молчание женщина и иронично вскинула широкие, изгибающиеся дугами брови.

- Но как... Как вы догадались? - пораженно прошептала Мишель.

Колдунья усмехнулась.

- А зачем еще, по-твоему, являются ко мне по ночам юные богатенькие мисс? Или проклясть соперницу, или приворожить возлюбленного. Что интересует тебя?

- Последнее, - одними губами пролепетала девушка.

- Имя!

Мишель вздрогнула от властного резкого окрика и, вздохнув, призналась:

- Гален Донеган.

На какой-то миг лицо колдуньи застыло, и снова у Мишель возникло ощущение, что на нее смотрит не человек, а кукла. Нарядная, из темного фарфора, очень опасная кукла. Которая вдруг принялась хохотать. Громко, смахивая брызнувшие из «стеклянных» глаз слезы, не способная унять эту беспричинную вспышку веселья.

- Донеган? - все еще смеясь, с трудом выдавила из себя Мари Лафо. - Уверена, что хочешь приворожить этого... ну, пусть будет, человека?

Мишель нахмурилась. Позабыв о своих страхах, требовательно спросила:

- Что вы имеете в виду?

- То, что некоторые люди будут пострашнее зверей.

Средняя Беланже тряхнула головой, отгоняя от себя непрошеное подозрение. Она слышала, что мистер Торнел, владелец самого крупного в графстве конного завода, их сосед, любил поколачивать жену. Да и на детей частенько поднимал руку. Но Гален - всегда такой учтивый, внимательный, обаятельный Гален, ни разу при ней не повысивший голос даже на раба, - уж точно не мог позволить себе столь варварское обращение с женщиной. Ударить? Нет!

- Впрочем, такие, как ты, не выносят спокойной жизни. Вам подавай острые ощущения. Чтобы адреналин бежал по венам, горячили кровь страх и боль... - Мари Лафо хлопнула в ладоши, и почти сразу в гостиную явилась девочка в цветастом ситцевом платье, хорошенькая и ладная, похожая на эбеновую статуэтку. В руках она держала поднос с вычурным бокалом темного стекла, над которым вилась тонкая струйка пара.

– Вы что-то говорили про боль? – окончательно сбита с толку странными рассуждениями ведуньи, заикнулась Мишель.

Девчушка приблизилась к госте, вытянула руки, безмолвно предлагая ей забрать с подноса бокал. Пламя свечей отражалось в глазах маленькой прислужницы колдуньи.

– Любишь его? – вопросом на вопрос ответила жрица.

– Лю... блю, – поколебавшись с мгновение, выдавила из себя Мишель.

– Тогда пей и ни о чем не жалея, – подбодрила ее Мари. На самом же деле напугала и запутала еще больше.

– А может, я лучше завтра приду? – Мишель затравленно покосилась на двери, мечтая оказаться как можно дальше от сумасшедшей колдуньи и ее служанки, в глазах которой по-прежнему танцевало пламя.

– Пей. – Короткое слово-приказ отголосками наполнило комнату, проникло в сознание девушки.

А в следующее мгновение – она даже не успела понять, как так вышло, – подушечки пальцев обожгло горячее стекло бокала. Терпкая на вкус жидкость полилась в горло. И пока Мишель глотала раскаленный, точно лава, напиток, все пыталась осознать, сама ли приняла решение его выпить или так за нее решила колдунья.

Почувствовав слабость во всем теле, Мишель откинулась на спинку кресла и смотрела, пока не сомкнулись отяжелевшие веки, на множащееся лицо маленькой прислужницы. Губы ее, будто нарисованные масляной краской, еще не успевшей высохнуть, растянулись в жутковатой улыбке. До самых ушей, в которых болтались расписные бусины-сережки.

Влево-вправо, влево-вправо...

Узоры на дешевых деревянных украшениях стали последним, что запомнила Мишель.

Глава 4

Перевернутой чашей небо накрыло землю. На блеклую луну, застывшую над крышей старого особняка, постепенно наплзали тучи, поглощая ее тусклый свет. И тем не менее Мишель жмурилась от слепящих отблесков огня, обжигавшего веки. От мельтешащей перед глазами радуги: взметались в воздух цветастые юбки уроженок далекой Каррики, звенели разноцветные бусы. На бой барабанов наслаивались голоса.

Громкие, вибрирующие, острыми шипами они впивались в сознание. И, наверное, потому так сильно болела голова. И тело не слушалось. Не было даже сил зажать уши, пошевелиться. Не то что вскочить и бежать.

Из-под полуопущенных ресниц, находясь где-то между реальностью и беспомощностью, Мишель продолжала наблюдать за ритуальными движениями колдуньи и ее служанок, за пляской огня, змеями извивавшегося над черными свечами.

Они смыкались впереди и позади колдуньи, образуя вокруг нее кольцо из пламени. Такие же черные, как и оперение у птицы, что крепко держала за лапы та самая маленькая прислужница.

Не сумев отвернуться, Мишель зажмурилась. Не было сил видеть, как по земле стелются пугающие тени, отбрасываемые высокими мощными фигурами. Как, хлопая крыльями, отчаянно бьется курица в руках жрицы, словно чувствует приближение смерти. Как кривое лезвие вспарывает птицу, и кровь, густая, темная, струясь по рукам ведьмы, наполняет чашу.

Мишель беззвучно застонала. Веки ни в какую не желали смыкаться. Тело и волю сковали чары.

Оставалось только смотреть, преодолевая страх и накатывающую тошноту. В руках колдуньи мелькнула светлая фигурка, кажется, слепленная из воска кукла. Под удары барабанов, с каждым мгновением звучащие все яростнее и громче, вольт[1 - Вольт – кукла, используемая в колдовстве.] окропили

жертвенной кровью, после чего блеснувшая в пламени свечей игла пронзила куклу.

Казалось, время, секунда за секундой исчезающее в воронке прошлого, застыло. Застыли темнокожие прислужницы жрицы, и даже пламя над свечами больше не шевелилось. Стоило Мари Лафо шагнуть к перепуганной насмерть Мишель, оно осыпалось под ноги колдуньи золотой пылью.

- Ты будешь с ним, пока игла будет в вольте. Станешь для него смыслом жизни, его счастьем, его проклятием. Его воздухом.

- Ур-ра-а-а... - вяло протянула Мишель, не испытывая даже намека на радость.

Только острое желание поскорее оказаться в седле и мчать из Нью-Фэйтона без оглядки.

Мишель почувствовала, как ладони коснулась перепачканная в крови уродливая восковая фигурка, как колдунья заставила ее сжать непослушные пальцы и, подавшись вперед, прошептала на ухо:

- Ну а теперь настала пора расплачиваться.

Снова испугаться Беланже не успела. Только лишь потому, что у нее на это просто не хватило времени. Горячее дыхание жрицы опалило кожу. Что было дальше - Мишель не запомнила.

Резкая острая боль в груди заставила Галена проснуться. Схватившись за сердце, шипя проклятия, молодой человек скатился с кровати. Он задыхался. Дыхание с хрипом вырывалось из горла, и было такое чувство, будто все внутренности прополоскали в кипятке.

Обливаясь потом, на непослушных ногах Донеган с трудом добрался до окна. Распахнул ставни и захрипел от нового приступа боли: холодный воздух не хуже огня обжег легкие.

Сердце продолжало колотиться. Быстро-быстро. Пока мысли, хаотично сменявшие друг друга, стремительно вытесняла одна-единственная: о девушке с глазами цвета лесного ореха и о чувствах, что она в нем вызывала.

Как же мог он не заметить, что она свела его с ума? Как жил без нее до этого момента?

Гален зажмурился и распахнул глаза.

Жил. Без нее.

Он сжал кулаки и мысленно пообещал себе как можно скорее это исправить.

Через раскрытые настежь окна в спальню проникали шум голосов и тонкий аромат жасмина, кусты которого зеленели перед стенами особняка. Мишель перевернулась на спину, сладко зевнула, не спеша открывать глаза. Она любила нежиться в постели, вслушиваясь в такую привычную с детства возню рабов, ранним утром отправлявшихся на поля.

– Какая странная кукла, – послышалось бормотание Элиз. Она опустилась на кровать возле сестры. – И такая страшная... Мишель, где ты ее взяла?

Пары мгновений понадобилось, чтобы воскресить в памяти события минувшей ночи. Вспомнить о колдовском обряде и принесенной в жертву ни в чем не повинной курице, в крови которой «выкупали» жуткую восковую куклу. После чего заставили Мишель ее взять. А дальше...

А дальше была чернота.

Мишель резко села на постели.

– Нет! – воскликнула возбужденно, заметив в руках младшей сестры вольты, пронзенного иглой.

Элиз уже успела схватиться своими маленькими пальчиками за металлический стержень с явным намерением вытащить его из восковой фигурки.

– Дай сюда! – Мишель облегченно выдохнула, радуясь тому, что успела вовремя забрать у сестры заговоренную куклу.

Элиз обиженно поджала губы.

– Вот так всегда! Опять ты что-то задумала, а мне не говоришь!

Мишель потрепала ее по голове и сказала первое, что пришло на ум:

– Я просто хотела разыграть Флоранс. Но она и так на меня злится, а матушка расстраивается, когда мы ссоримся. Так что давай лучше никому не рассказывать об этом уродце. – Прижав палец к губам, заговорщицки улыбнулась. – Я его сейчас где-нибудь спрячу, а потом выброшу.

Элиз согласно кивнула. Она всегда была послушной и в силу своего возраста верила всему, что ей говорили. А уж Мишель из младшей сестры веревки вила. Как, впрочем, и из большинства обитателей Лафлера.

– А почему Флоранс на тебя злится? – последовал очередной бесхитростный вопрос. Лиззи умилительно захлопала длинными ресницами, глядя на немного растрепанную после сна сестру.

«Потому что я собираюсь украсть у нее будущего мужа», – мрачно подумала про себя Мишель.

Вслух же, не краснея, обронила:

– Расстроена, что меня не будет на их с Галеном свадьбе. Я ведь сегодня уезжаю.

Стоило вспомнить о скоропалительном и таком несправедливом решении родителей, как сердце ухнуло куда-то вниз.

И пока Элиз вздыхала, грустя из-за отъезда сестры, Мишель с хмурым видом оглядывалась по сторонам, гадая, куда бы запихнуть дурацкую куклу. Ее душу бередили противоречивые чувства. С одной стороны, очень хотелось поверить,

что колдунья не солгала. С другой – то, что ночью казалось жутким и безумно опасным, сейчас, при свете дня, вызывало скептическую улыбку.

Подумаешь, резали курицу. Вон им на стол каждый день подают жареных цыплят и запеченные окорока. Тоже ведь не ждут, пока несущки умрут своей смертью, а рубят им головы на заднем дворе.

Мишель казалось сомнительным, что столь незначительная жертва и какая-то там иголка способны привязать к ней Галена. И в то же время, вопреки голосу здравого смысла, она надеялась, что у истории ее любви будет счастливый конец. И если тому поспособствуют чары нью-фэйтонской колдуньи, то уж она, Беланже, в долгу не останется, оплатит жрице за помощь, чем сможет.

Царапнувшая разум мысль заставила Мишель вздрогнуть. Мари Лафо ведь что-то говорила об оплате... Но жестяная коробка с деньгами обнаружилась здесь же, стояла себе преспокойно у изножья кровати, полная хрустящих купюр.

Именно в нее, растерянная и подавленная, Мишель сунула куклу. Машинально чмокнув Элиз в щеку, поспешила к себе, надеясь, что Флоранс или еще спит, или уже встала и убралась завтракать. Нужно было поскорее вернуть в тайник сбережения и вольта, перепачканного в подсохшей крови.

Ей повезло, сестры в комнате не было. Зато в ней обнаружилась Серафи, старательно взбивавшая подушки на кровати хозяйки.

– Мисс Мишель! Мисс Мишель! – заголосила рабыня при виде второй своей госпожи. – Как же хорошо, что вы целы и невредимы! – Подхватив юбки, бросилась к замершей на пороге девушке.

– Серафи, ты помнишь... – Мишель замялась, понимая, как глупо прозвучит не дававшая ей покоя мысль, стоит только облечь ее в слова. – Помнишь, как мы возвращались в Лафлер?

В ответ рабыня покачала головой.

– Я стояла во дворе, ждала вас, – взволнованно комкая крахмальным передником, рассказывала она. – Потом меня пригласили в дом. Не хотела идти, но мне

приказали. Думала, вдруг с вами что-нибудь стряслось...

- И что же дальше?! - нетерпеливо перебила ее Мишель.

- А дальше... - Серафи растерянно посмотрела на хозяйку. - А дальше не знаю. Хоть убейте, мисс! Я так за вас боялась, - тихонько закончила служанка и поежилась, вспомнив мрачный особняк и его угрюмую хозяйку.

- Не вздумай болтать о том, где мы были! - выпроваживая рабыню в коридор, строго наказала ей Мишель. - А не то...

- Знаю, выпорите, - тяжело вздохнула Серафи и услышала, как у нее за спиной громко хлопнула дверь.

Не успела Мишель спрятать в углубление под половицей коробку и подтянуть обратно пестрый лоскутный ковер, как вернулась Флоранс, пребывавшая в прекрасном расположении духа. Что ей обычно было несвойственно.

- Какое чудесное сегодня утро! - Отодвинув шелковую занавеску, колыхавшуюся на ветру, Флоранс выглянула в окно и обвела взглядом сад, щедро орошаемый лучами южного солнца.

«Чудеснее не придумаешь», - буркнула про себя Мишель, с тоской оглядывая большой с металлическими заклепками сундук - один из тех, что годами пылились на чердаке и покидали его, только когда кого-нибудь из семейства Беланже ждала долгая поездка. Очень долгая. Рядом чернел ручной саквояж, тоже готовый к путешествию.

Готово было все, кроме Мишель.

- Надеюсь, в день свадьбы погода будет такой же теплой и ясной, - прекрасно понимая, какое воздействие оказывают на сестру ее слова, продолжала наступать на больную мозоль Флоранс и явно наслаждалась этой маленькой местью. - А на следующей неделе О'Фарреллы устраивают барбекю. Жаль, тебя с нами не будет, ты ведь их так любишь. Не О'Фарреллов, конечно, - барбекю. Не пойму, чего эти мальчишки вокруг тебя вьются? Ты ведь от них нос воротишь...

Мишель сжала руки в кулаки и почувствовала, как ногти больно впиваются в кожу. Не желая выдавать на радость сестре свои истинные чувства, холодно произнесла:

– Серафи поедет со мной.

– Вот еще! – резко обернувшись, возмущенно выкрикнула Флоранс. – Она нужна мне здесь! Я не позволю ни одной из этих косоруких идиоток касаться меня в день свадьбы! Еще не хватало, чтобы мне испортили платье или прическу в самый важный день моей жизни!

Серафи тоже нередко достаивалась «комплиментов» от старшей Беланже. А однажды в припадке гнева Флоранс приказала ее выпороть. За то, что юная рабыня плохо отплатила юбку, которую хозяйка собиралась надеть на теннисный матч. К счастью для служанки, до наказания дело не дошло: Мишель вовремя вмешалась. Пообещала поковыдргивать сестре с помощью магии волосы, если та хоть пальцем тронет рабыню. А если не сработает, добавила воинственно, то и собственными руками с удовольствием выдерет ей все космы.

Ссора едва не переросла в драку, которую предотвратили вовремя подоспевшие родители.

– Я поговорю с матерью. – Погасив в себе вспышку гнева, Мишель отправилась на поиски Аделис.

А выходя из комнаты, услышала злорадное, брошенное ей в спину:

– Можешь не утруждаться, ма разрешила оставить ее здесь.

К огромному разочарованию Мишель, Аделис уступила уговорам старшей дочери, заранее побеспокоившейся о судьбе рабыни. По мнению мадам Беланже, Мишель не следовало расстраиваться из-за таких мелочей, как расставание со служанкой, ведь в доме дядюшки у нее не будет недостатка в прислуге.

– Мне не нужен никто, кроме Серафи! – попробовала настоять на своем Мишель.

Но на этот раз ее плаксивый тон и расстроенное выражение хорошенького личика не растрогали Аделис.

– Перестань вести себя как капризный ребенок, Мишель. Я так решила: до свадьбы Серафи останется здесь.

– А потом? – с замиранием сердца прошептала Мишель, считавшая Серафи близким другом.

Мысль о том, что она потеряет не только любимого, но и ту, которой доверяла все свои чаяния и сокровенные тайны, болью отзывалась в ее сердце. Если Серафи последует за новоиспеченной госпожой Донеган в Блэкстоун, они будут редко видеться. А может, и никогда.

– А потом посмотрим, – свернула разговор мать. После чего велела Мишель поторапливаться, напомнив, что поезд отбывает в полдень, а она по-прежнему разгуливает по дому в пеньюаре и ночной сорочке.

Все то время, пока Серафи одевала свою расстроенную хозяйку, сама хозяйка с тоской и затаенной надеждой смотрела на подъездную аллею, окутанную благодатной тенью узловатых кедров. Ей казалось, что вот-вот по ней промчится всадник с красиво развевающимися на ветру темными волосами, а его благородное лицо будет преисполнено решимости разорвать помолвку с одной из сестер Беланже и попросить руки другой.

Но вместо всадника, стрелой пронесшегося по аллее, по ней проскрипела коляска, которая должна была доставить Мишель на станцию.

Собирая госпожу в дорогу, Серафи расстроенно шмыгала носом и с тревогой размышляла о том, что с отъездом хозяйки номер два она останется беззащитной перед нападками хозяйки номер один.

– Вам так идет этот наряд! – восхитилась рабыня новеньким платьем госпожи.

Цвета опавшей листвы, оно удачно сочеталось с темным приталенным жакетом, подчеркивающим тонкий стан первой красавицы графства. Кружевные митенки и маленькая черная шляпка, украшенная пером и атласными лентами,

завершали образ путешественницы.

Роль которой Мишель совсем не хотелось исполнять.

Расстроенная из-за стычки с сестрой, из-за разговора с матерью, ознаменовавшего очередное ее поражение, Мишель на время позабыла о вольте. Вспомнила, когда уже садилась в экипаж. Но Аделис, обеспокоенная, что они могут опоздать на поезд, не разрешила дочери вернуться в дом.

Казалось, боевой дух оставил Мишель. Она безропотно кивнула и улеглась в коляске. Девушка вдруг почувствовала себя разбитой, безмерно усталой и сказала самой себе, что больше не будет бороться. Зачем ей в поездке дурацкая кукла, когда нужен был Гален.

Но Донеган так и не приехал за ней.

Глава 5

Прощание вышло быстрым и каким-то скомканным. Мишель стояла на перроне, держа в руках маленький саквояж, и чувствовала, как сердце в груди – нет, уже не болит – индевет, чтобы в скором времени превратиться в ледышку, а потом разбиться вдребезги. На тысячи мелких осколков, которые будет невозможно собрать и склеить.

Ее не покидало ощущение нереальности происходящего. Разве могла она уехать? Сейчас, когда наступал переломный момент не только в ее судьбе, но и в судьбе Галена. Мишель не переставала верить, что дороги их жизней в будущем обязательно пересекутся, но, кажется, с последним поцелуем матери и прощальной улыбкой отца вера ее оставила.

А следом ушла и надежда.

Шумные потоки людей, точно беспокойные воды Мэйфи – илистой реки, разделявшей владения Беланже и О'Фарреллов, огибали их, ни на секунду не замедляя своего движения. Пассажиры спешили исчезнуть в темных зевах

вагонов, поторапливаемые гудками готовящегося к отправке поезда.

– Мы будем скучать, милая. – Аделис трепетно сжала руку дочери в своей, после чего вложила в раскрытую ладонь, оттененную кружевом митенки, конверт с письмом, предназначенным для дяди Эмерона. В который раз напомнила о том, чтобы Мишель не забывала им писать, рассказывала о любой мелочи, что покажется ей достойной внимания и интересной.

«Другими словами, ни о чем», – угрюмо заключила про себя Мишель, представляя однообразные дни в обществе родственников.

Даже после того как в сердце погас последний лучик надежды, она продолжала скользить взглядом по безликой массе людей, топтавшихся на перроне. А поднявшись по ступенькам, перед тем как скрыться в вагоне, не сдержалась и обернулась.

Выхватила из толпы улыбающиеся, немного грустные лица отца и матери, зевающего во весь рот Бернса – слуги, озаботившегося судьбой дорожного сундука, уже дожидавшегося ее в купе. Чуть поодаль Мишель заметила какого-то верзилу, энергично размахивающего шляпой, и пышнотелую даму в ядовито-зеленом капоре, держащую на руках крикливый сверток – младенца. А за ней тенью двигался...

Мишель вздрогнула, растерянно моргнула. На какой-то миг ей почудилось, будто в толпе мелькнула высокая фигура Галена. Но видение, наверняка спровоцированное желанием еще хотя бы раз встретиться с любимым, тут же рассеялось. Молодого человека нигде видно не было.

Ее попросили не задерживаться и не задерживать пассажиров, что поднимались следом. Печально вздохнув, Мишель из тамбура направилась в свое купе. Уронив саквояж на стеганое сиденье, приникла к окну. И пока махала родителям и даже, кажется, им улыбалась, пожирала глазами перрон, выискивая среди сонма незнакомых лиц то единственное, что было для нее всем.

Колдунья сказала, она станет для Галена воздухом, смыслом его жизни. Пока же Гален наполнял смыслом только ее собственное существование.

А без него и жизнь будет не в радость.

Мягкий толчок, поезд тронулся, стремительно набирая скорость. До боли закусив губу, чтобы не расплакаться (сидящий напротив мужчина и так бесцеремонно ее разглядывал, нечего привлекать к себе еще большее внимание), Мишель рухнула на сиденье. Прикрыла глаза, чувствуя, как одна непрошенная слезинка все же сползла по щеке.

– Вот, держите. – Настырный сосед зачем-то протянул ей платок.

Она шмыгнула носом и изобразила нечто, лишь отдаленно напоминающее благодарную улыбку.

Выдавила из себя:

– Спасибо. – И неловко скомкала платок, из-под опущенных ресниц украдкой разглядывая незнакомца.

Средних лет, коренастый, в сером костюме в клетку и широком галстуке, темневшем на фоне кипенно-белой рубашки. Было в чертах его лица что-то неуловимо знакомое. В низком хриловатом голосе. Наверняка тот еще любитель табака.

– Мы с вами раньше не встречались? – помимо воли вырвались слова.

Мишель мысленно прикрикнула на себя. Матушка пришла бы в ужас, услышав столь бесцеремонный вопрос, прозвучавший из уст юной леди.

– Я бы такую красавицу точно запомнил, – усмехнулся в смоляные усы мужчина, и Мишель невольно поежилась под его тяжелым липким взглядом.

Стала мысленно прикидывать, как долго ей придется изнывать в компании этого нахального джентльмена, продолжавшего бесцеремонно на нее смотреть, и поерзала на сиденье.

Ерзала Мишель аж до следующей станции и едва не вскрикнула от радости, когда незнакомец, нацепив на голову широкополую соломенную шляпу (только сейчас она заметила, что путешествует он налегке), поднялся.

Хотела уже с ним попрощаться, когда мужчина огорошил ее словами:

– Нам пора, мисс.

– Пора... куда? – Мишель настолько опешила, что даже не сообразила, что ее тянут за руку.

– Домой к хозяину, – хищно осклабился пассажир.

Теперь он казался Мишель еще более неприятным. Отталкивающим, опасным.

– Что вы несете?! К какому... – Восклицание оборвалось, сменившись сдавленным всхлипом.

Незнакомец резко притянул девушку к себе, сорвал мешочек-кулон с землей Лафлера, длинный шнурок которого в несколько раз овивал тонкое девичье запястье. Мишель опомниться не успела, как его заменил новый. Такой же крохотный, полный напитанной древней силой земли.

Чужой земли.

Беланже поняла это по неприятной дрожи, прокатившейся по телу. По тошнотворному ощущению, тугим комком застрявшему в горле.

Пыталась стянуть с себя нежеланный подарок, но пальцы не слушались. Как и ноги, которые теперь казались ватными, а язык и вовсе не желал шевелиться, казалось, намертво прилип к небу.

– Вот вы и познакомились с магией того места, которое вскоре станет вашим временным пристанищем. А может, и постоянным. – Мужчина заботливо поправил витой шнурок на запястье пленницы и сказал: – Пойдемте, мисс. Экипаж уже ждет нас. А мой заказчик ждет свой подарок, – рассмеялся собственной шутке и щелкнул пальцами.

Умирая от страха и паники, взывая в мыслях о помощи, Мишель, словно дергаемая за ниточки марионетка, покорно последовала за своим похитителем.

Все, что происходило дальше вплоть до самого вечера, сохранилось в памяти урывками. Будто во сне, не чувствуя собственного тела, с помощью незнакомца она забралась в коляску. Сидела смирно, не способная ни слово вымолвить, ни пошевелиться. Кусая в панике губы, молча следила за тем, как здоровяк-раб, выше их Бернса аж на целых полфута, пробираясь сквозь движущуюся навстречу живую массу, точно пушинку несет на плече ее дорожный сундук.

При виде слуги, торопящегося занять место на козлах, на Мишель нахлынула новая волна отчаяния. Где это видано – похищать девушку, да не какую-нибудь бродяжку, а высокородную леди, среди бела дня! Кому она могла понадобиться? Зачем?!

В Анделиане никого и никогда не похищали. Чужие рабы считались неприкосновенными. К белым голодранцам, как пренебрежительно отзывались на Юге о простых горожанах и фермерах, не владеющих обширными участками земли, относились ровно с той долей уважения, какое они заслуживали. Никому и в голову не могло прийти словом или взглядом оскорбить фермерскую дочку или обидеть приказчицу бакалейной лавки. А уж местную аристократию, к коей принадлежала семья Мишель, и вовсе боготворили. И к дочерям плантаторов испытывали трепетное почтение.

Никто бы и никогда не посмел обидеть леди, зная, что даже за опрометчиво оброненную фразу, задевающую честь аристократки, придется расплачиваться кровью. Родственники девушки могли вызвать обидчика на дуэль, если он был равен ей по положению. В остальных случаях негодяя ждал арест и постыдное наказание – прилюдная порка плетьюми.

И вот ее не просто оскорбили. Ее наглым образом похитили! Представительницу одной из самых знатных фамилий графства при помощи магии превратили в беспомощную тряпичную куклу и теперь увозят непонятно куда и непонятно зачем.

Немного, самую малость, успокаивала мысль, что дядя и тетя, предупрежденные телеграммой, будут ждать ее. И когда вечером Мишель не сойдет с поезда, несомненно, поднимут тревогу. Сразу сообщат родителям. И тогда на поиски Мишель отправят каждого раба от Нью-Фэйтона до Доргрина, каждую гончую. Да и многочисленные поклонники девушки, те же О'Фарреллы, будут землю рыть, лишь бы ее найти. Если понадобится, отец с матерью и к колдунам

обратятся, только бы выяснить, куда подевалось любимое чадо.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Вольт – кукла, используемая в колдовстве.

Купить: <https://tellnovel.com/valeriya-chernovanova/pohischennaya-ili-krasavica-dlya-chudovischa>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)